

К 1384952

Федеральная служба исполнения наказаний
Швейцарское управление по развитию и сотрудничеству
Вологодский институт права и экономики ФСИН России
Научно-исследовательский институт ФСИН России
Научное пенитенциарное общество
“Международная тюремная реформа” (PRI)
СПИД-фонд “Восток-Запад” (AFCW)
Общественный совет при ФСИН России

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА в свете новых Европейских пенитенциарных правил: теория и практика

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

Вологда, 23-24 апреля 2007 года

Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью как фактор предупреждения преступности в годы Великой Отечественной войны

*В.Б. Конасов – профессор кафедры
философии и истории ВИПЭ ФСИН России,
доктор исторических наук, профессор*

До сих пор в определенных кругах российского общества живуч стереотип, согласно которому термины «беспризорность» и «безнадзорность» применимы только к 20-м гг. XX столетия. Объяснение этому кроется, скорее всего, в том, что советская пропаганда во всеуслышание объявила, что к началу 30-х гг. страна социализма полностью и бесповоротно покончила с этим тяжким наследием капитализма и гражданской войны. Подтверждением данному факту служили газетные статьи, книги и кинофильмы, в частности знаменитая «Педагогическая поэма» А.С. Макаренко и культовый фильм «Республика ШКИД». Ликвидация детской беспризорности связывалась с именами Ф.Э. Дзержинского, В.И. Ленина, А.В. Луначарского. Между тем под знаком детской беспризорности и безнадзорности в нашей стране прошел весь XX в. О какой «ликвидации» беспризорности, тем более полной, к началу 30-х гг. можно говорить, если, по подсчетам одного из руководителей Наркомпроса Н.К. Крупской, она к тому времени составляла в СССР более 2 млн чел.¹ Наконец, точку над «i» помогает поставить циркуляр советских властей, предлагавший с 13 апреля 1928 г. рассматривать бродяжничество и беспризорность «как преступность, подлежащую немедленному искоренению»². Особым периодом в эволюции подростковой и детской беспризорности стала Великая Отечественная война. Изучение опыта борьбы с этим страшным социальным явлением в экстремальных условиях военного времени, как это ни прискорбно, не потеряло значения и в наши дни.

В настоящей статье на общем фоне борьбы с беспризорностью и безнадзорностью главное внимание будет сконцентрировано на трех центрах этой борьбы. Первый из них – Ста-

линград, где бои с немецко-фашистскими захватчиками шли за каждый квартал и каждый дом, второй – блокадный Ленинград, и, наконец, третий – прифронтовая Вологда, через которую прошло более 3 млн эвакуированных.

В годы Великой Отечественной войны к функциям органов милиции прибавились новые, в том числе по розыску детей, пропавших при эвакуации. В составе областных и краевых управлений милиции при отделе службы и боевой подготовки, состоящем из нескольких отделений и групп, появилась группа по ликвидации детской беспризорности и безнадзорности³. Однако основную нагрузку по борьбе «с тяжким классовым наследием», как говорилось в 20-е гг., в начале Великой Отечественной войны вели детские комнаты милиции.

В силу чрезвычайных условий военного времени проблема беспризорности и безнадзорности приобрела особое значение. Тем более что в 1941–1945 гг. количество преступлений несовершеннолетних в общей массе противоправных деяний резко возрастет. Об этом, к примеру, прозорливо говорилось в директиве УНКВД по Сталинградской области уже 27 июля 1941 г. Основная масса подростков была привлечена к уголовной ответственности за кражи (около 80%), значительное распространение получило хулиганство. При этом, как констатировала директива, большая часть организаторов преступлений из числа матерых уголовников осталась безнаказанной⁴.

Важным шагом на пути охраны граждан от преступных посягательств, усиления борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в городе на Волге, находившемся на военном положении, стало несколько запоздавшее постановление городского комитета обороны «Об организации охраны общественного порядка в Сталинграде» от 30 октября 1941 г. Вводился комендантский час с 23 часов вечера до 5 часов утра. Выдача пропусков для граждан и транспорта производилась только комендантом Сталинграда. Время работы зрелищных предприятий, куда особенно влекло подростков, и предприятий торговли завершалось до начала комендантского часа⁵.

23 января 1942 г. СНК СССР принял постановление «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». При СНК со-

юзных и автономных республик, исполкомах местных Советов были созданы комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей⁶. Одновременно была расширена сеть приемников-распределителей. 12 апреля в Сталинграде приступил к работе справочный адресный детский стол. Он был создан при отделе службы и боевой подготовки областного управления милиции.

Когда Сталинград стал городом-фронтом, преступность среди несовершеннолетних в нем приняла особо опасный характер. Нередко несовершеннолетние организовывались в банды и совершали дерзкие преступления с использованием оружия. В 1943 г. в городе была обезврежена банда подростков, которые занимались налетами на проходящий транспорт. Выждав удобный момент, члены банды забирались в грузовые автомашины и производили кражи государственного и общественного имущества. В своих играх дети Сталинграда зачастую использовали найденное на местах боев оружие. В результате резко возросло количество убийств, совершенных подростками по неосторожности⁷.

Взрывоопасной с криминогенной точки зрения являлась преступность среди подростков и во многих других городах Советского Союза. В такой обстановке было принято решение создать при областных, краевых, городских и районных органах милиции отделы (отделения) по борьбе с преступностью среди несовершеннолетних. Одновременно в июне 1943 г. Совнарком СССР принял постановления «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» и «О трудовом устройстве подростков старше 14 лет – воспитанников детских домов и трудовых колоний НКВД и детей, оставшихся без родителей». На основе этих постановлений в различных районах страны было организовано трудовых воспитательных колоний на 30 тыс. подростков, задержанных за различные преступления. Одновременно 42 тыс. детей старших возрастов из детских домов и трудовых колоний НКВД направлялись на учебу в ремесленные и железнодорожные училища и школы ФЗО⁸.

И все же число беспризорных и безнадзорных детей в Советском Союзе продолжало расти. Только по данным 18 управлений железных дорог СССР за третий квартал 1943 г. силами милиции и общественности было задержано 139 845 беспризорных и безнадзорных детей. Во многих районах страны именно подростки давали значительный всплеск преступности. Не случайно Челябинский обком ВКП(б) в начале мая 1944 г. принял решение об организации специальной трудовой колонии НКВД на 900 чел. Одновременно в области дополнительно открыли ремесленное училище на 400 чел. и школу ФЗО на 300 мест⁹.

Вообще, в тех краях и областях, где ситуация была особенно неблагоприятной, рост подростковой преступности обязательно рассматривался на заседаниях бюро обкомов и крайкомов ВКП(б)¹⁰. В частности, в целях решительного улучшения борьбы с преступностью несовершеннолетних в Сталинграде намечалось провести следующие мероприятия:

1) более качественное проведение оперативно-агентурной работы по предупреждению и раскрытию преступлений среди подростков;

2) передачу дел о преступлениях несовершеннолетних наиболее квалифицированным работникам милиции;

3) выявление в ходе расследования уголовных дел причин, порождающих детскую преступность;

4) для оказания помощи в устранении причин, влекущих за собой рост детской преступности, информирование о ее состоянии партийных, комсомольских и советских организаций;

5) в целях профилактики периодическое вынесение на родительские собрания в школах докладов работников органов внутренних дел о состоянии преступности несовершеннолетних¹¹.

Важное значение в устройстве, обучении и воспитании детей, оставшихся без родителей, имело постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. об организации суворовских военных училищ, специальных ремесленных училищ, специальных детских домов НКВД и детских приемников-распределителей в освобожденных от вражеской оккупа-

ции Сталинградской, Воронежской, Калининской, Курской, Луганской, Орловской, Ростовской, Смоленской, Харьковской областях, а также в Краснодарском и Ставропольском краях. Уже в конце года часть этих учреждений приняла в свои стены 34 тыс. детей, оставшихся без родителей¹².

В годы Великой Отечественной войны в тыл были вывезены десятки тысяч детей, осиротевших или утративших связь с семьей. Только из Ленинграда в организованном порядке было эвакуировано свыше 76 тыс. таких детей¹³. Количество подростков, самостоятельно покинувших город на Неве, до сих пор неизвестно. Несколько тысяч беспризорных детей оказалось в самом Ленинграде и его ближайших пригородах. Каждую неделю милиция выявляла и размещала в приемники-распределители сотни безнадзорных детей. Согласно циркуляру начальника Управления милиции города от 20 марта 1942 г. к этой работе привлекались участковые уполномоченные, постовые милиционеры, оперативные сотрудники, а также представители учреждений, предприятий, домохозяйств и домоуправлений. Циркуляр определял порядок направления беспризорных детей в приемники, устанавливал порядок отчетности о проделанной работе. Общий контроль за выполнением требований документа возлагался на отдел службы и боевой подготовки Управления милиции. Приказом начальника Управления милиции от 23 апреля 1943 г. № 60 «О мерах борьбы с детской безнадзорностью» в городе было установлено 37 маршрутов парных патрулей по изъятию безнадзорных и беспризорных детей с улиц¹⁴. В результате уровень преступности среди несовершеннолетних стал медленно, но неуклонно снижаться.

Исключительная важность работы по ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в Ленинграде объясняется еще одной причиной. В условиях блокады в городе были распространены такие виды преступности, как грабеж продовольствия вооруженными преступными бандами и каннибализм. В банды входили дезертиры, уклоняющиеся от призыва в действующую армию, лица, бежавшие из заключения, другие уголовные элементы. Они втягивали в свою преступную среду детей и подростков, оставшихся без родителей. Банды граби-

ли магазины, захватывали машины и сани с хлебом, нападали на склады питания. Бандитизм ст. 59-3 УК РСФСР квалифицировался как тягчайшее преступление, за которое предусматривалось наказание вплоть до смертной казни. Учитывая опасность для общества вооруженных дезертиров, вовлекавших в свои преступные группировки несовершеннолетних детей, СНК СССР постановлением № 251/51 с от 30 мая 1942 г. рассматривал совершенные ими преступления как контрреволюционные (ст. 58-1б) – измена Родине в военное время. Члены семей осужденных по вступлении приговора в законную силу направлялись в ссылку на 5 лет в отдаленные районы¹⁵.

При каннибализме жертвами обезумевших от голода людей, как правило, становились безнадзорные дети. Все убийства с целью употребления в пищу мяса жертв, а также съедание мяса трупов, в силу их особой опасности, квалифицировались как бандитизм. В борьбе с каннибализмом в помощь милиции были привлечены органы госбезопасности, контрразведки Ленинградского фронта и бойцы комсомольского полка охраны революционного порядка. Только с октября 1941 г. по январь 1943 г. за эти преступления было арестовано 1979 чел., в том числе 1487 женщин¹⁶. Каннибализмом занимались, прежде всего, лица, получавшие минимальные нормы снабжения по продуктовым карточкам, лица, утерьявшие эти самые карточки, члены семей, обремененные иждивенцами, дезертиры. Однако уже в 1942 г. число данных преступлений пошло на спад. С середины 1943 г. случаи каннибализма и трупоедства в криминальной хронике блокированного Ленинграда уже не отмечены¹⁷.

Особого внимания в плане борьбы с преступностью среди эвакуированных детей и подростков заслуживает Вологодская область. Чрезвычайная обстановка, сложившаяся под Ленинградом и в целом на Северо-Западе страны, уже летом 1941 г. определила положение этой области как важнейшего пункта приема и размещения эвакуированного населения. К концу августа 1941 г. в Вологодскую область из Ленинграда, различных районов Ленинградской области и Карело-Финской ССР прибыло около 30 тыс. детей¹⁸. Еще около 40 тыс. детей при-

было в Череповец водным путем. В этой связи секретарь Вологодского обкома ВКП(б) П.Т. Комаров и председатель облисполкома А.Д. Абрамов ставили перед заместителем председателя совнаркома СССР А.И. Микояном вопрос о выделении дополнительных нарядов на молоко, рыбу, мясо, сахар, а также детскую одежду и обувь. При их отсутствии очень многие ребяташки попросту не могли посещать школу¹⁹.

Далеко не все подростки прибыли в Вологду из Ленинграда организованной группой. Кто-то по пути следования потерял родителей, кто-то ехал в тыл с другими беспризорниками. К сожалению, далеко не все родители делали запросы на своих детей в центральное справочное бюро эвакуированных, расположенное в городе Бугуруслан Чкаловской области²⁰.

По решению Совнаркома СССР от 18 января 1942 г. Вологодская область должна была принять и разместить не менее 20 тыс. ленинградцев. «Встреча первого эшелона, – сказано в отчете уполномоченного Управления по эвакуации населения по Вологодской области, – показала, что больных будет поступать значительно больше и с более тяжелыми болезнями, чем предполагали». Особенно жалко было детей. Многих приходилось выносить из вагонов в полубессознательном состоянии. 6 февраля 1942 г. было принято совместное постановление Вологодского ГК ВКП(б) и Вологодского горисполкома «О мероприятиях по ликвидации детской безнадзорности». В документе говорилось, что в целях быстрее размещения детей, оставшихся без родителей создается комиссия из заместителя председателя горисполкома Н.А. Каретиной (председатель), заведующего горono, секретаря ГК ВЛКСМ, начальника управления милиции, председателя ГК союза учителей и заместителя заведующего горздравотделом. Поручалось начальнику управления милиции Максимова и заведующему горono Каретинной провести до 1 марта 1942 г. точный учет эвакуированных детей, оставшихся без родителей. Обязать секретарей парторганизаций провести открытые партийные собрания с обсуждением передовой в газете «Правда» от 4 февраля 1942 г. «Забота о детях». Широко развернуть разъяснительную работу среди рабочих и служащих о принятии на воспитание (патро-

нат) и усыновление детей, оставшихся без родителей. В целях предупреждения безнадзорности детей, приезжающих с эвакуированным населением, поручить комиссии установить посты для постоянного дежурства на вокзале и в других общественных местах²¹.

К 1 апреля 1943 г. в Вологодской области было размещено 165 160 эвакуированных, в том числе 79 206 детей, а всего к указанной дате через Вологду проследовало 3 119 605 чел. Умерло к этому времени не менее 17 тыс. эвакуированных. К 1 сентября 1943 г. было открыто 50 бюджетных детских домов. Еще 22 детских дома были открыты на добровольные пожертвования и содержались на средства самих трудящихся. В этих детских домах содержалось более 8120 воспитанников. Кроме того, к указанной дате было усыновлено 273 ребенка²². Инициативу в этом благородном деле проявила Р.М. Юдикис, взявшая на себя обязанность воспитать троих детей. Многие дети-сироты были взяты на коллективное патронирование колхозами и совхозами. Только за первые два года войны патронировано 2086 и устроено на работу 3137 подростков²³.

Было бы, однако, ошибочным идеализировать положение эвакуированных детей. Случалось, в детских домах у них отбирали чудом сохранившиеся ценные вещи и деньги. Приходившие на их имя посылки воспитанникам зачастую не вручались. Имели место и факты недодачи положенной нормы питания. Разумеется, все это вызывало негативную реакцию подростков. Кражи, а позднее и побеги из детских домов, вообще-то, были не редкостью.

Не всегда кристально честным, или просто добропорядочным, было отношение чиновников к эвакуированным ленинградцам, которых разместили на постой в города и районы области. Так, согласно сообщению УНКВД Вологодской области от 16 мая 1942 г., в Тотемском районе Вологодской области проживало 6470 эвакуированных жителей города на Неве. Для снабжения этих людей райпотребсоюзу на первый и второй квартал были выделены специальные продовольственные и промтоварные фонды. Однако, как показала проверка, ни одного килограмма мяса и масла, ни одной пары обуви, ни одной фу-

файки никто из эвакуированных ленинградцев не получил. Председатель Усть-Печенгского сельпо Протопопов, к примеру, все продукты и промышленные товары пустил на распродажу собственным сотрудникам. В свою очередь, директор совхоза «Бушуиха» Лежского района Леонтьев отказал в трудоустройстве эвакуированной жене красноармейца Виноградова, у которой на руках имелось двое малолетних детей. На ее просьбу выделить для детей молоко председатель колхоза цинично заявил: «У нас кто не работает, тот не ест». «В результате, – как сказано в сообщении УНКВД, – у Виноградовой оба ребенка умерли от истощения»²⁴. Надо ли говорить, что как первое, так и второе преступление можно было бы предотвратить, если бы забота партийных и советских органов об эвакуированных детях не имела формального характера.

Справедливости ради следует сказать, что уровень преступности среди несовершеннолетних местных жителей в Вологодской области был невысок. Малолетние преступники из числа эвакуированных ленинградцев также не приносили милиции города Вологды и области особых забот. Как правило, основными преступлениями несовершеннолетних правонарушителей были кражи продуктов, казенного инвентаря, личных вещей граждан. Зачастую на преступление эвакуированного подростка толкало непередаваемое чувство голода, пережитое еще в блокадную пору. Вовлечения в массовом порядке несовершеннолетних в бандитские группировки в Вологодской области в годы Великой Отечественной войны не наблюдалось.

Подведем итоги. К концу Великой Отечественной войны в 6 тыс. детских домах Наркомпроса и НКВД СССР находилось 1 млн 800 тыс. юных граждан страны Советов, на воспитание в семьи было взято 350 тыс. детей²⁵. Таким образом, за годы Великой Отечественной войны государство тем или иным образом положительно решило судьбу более одного миллиона детей и подростков. Еще больше детей, на наш взгляд, занималось нищенством, содержалось под следствием, находилось вместе со своими родителями в ссылке, отбывало наказание в местах лишения свободы. Так или иначе, положительный опыт советской милиции и общественности по борьбе с беспризор-

ностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны не потерял своей актуальности и в наши дни – дни действительных и прогнозируемых, пусть даже на бытовом уровне, социальных трудностей и потрясений.

Примечания

¹ См.: Рожков А.Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 138–139.

² Там же. С. 138.

³ См.: Кантемиров А.В. Деятельность органов внутренних дел в Сталинградской битве (июль 1942 – февраль 1943 гг.). Волгоград, 2003. С. 12.

⁴ См.: Там же. С. 77.

⁵ См.: Епифанов А.Е., Джамбалаев Я.Р. Институт особого государственно-правового режима в Российской Федерации (вопросы теории и истории). Волгоград, 2006. С. 98–99.

⁶ См.: Великая Отечественная война. 1941–1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 240.

⁷ См.: Кантемиров А.В. Деятельность органов внутренних дел в Сталинградской битве... С. 77–78.

⁸ См.: Силицын А.М. Всенародная помощь фронту. М., 1985. С. 292.

⁹ См.: Там же. С. 293.

¹⁰ См.: Советская милиция: история и современность. 1917–1987. М., 1987. С. 168.

¹¹ См.: Кантемиров А.В. Деятельность органов внутренних дел в Сталинградской битве... С. 78.

¹² См.: Силицын А.М. Всенародная помощь фронту. С. 298.

¹³ См.: Великая Отечественная война. 1941–1945: Энциклопедия... С. 240.

¹⁴ См.: Панфилец А.В. Ленинградская милиция в годы блокады (сентябрь 1941 г. – январь 1944 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1973. С. 21.

¹⁵ См.: Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. Историко-медицинский аспект. СПб., 2001. С. 258–259.

¹⁶ См.: Панфилец А.В. Ленинградская милиция в годы блокады... С. 24–25.

¹⁷ См.: Секретные материалы. 2000. № 19(38). С. 25.

¹⁸ См.: Вологодский областной архив новейшей политической истории. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 601. Л. 64–65.

¹⁹ См.: Там же. Д. 719с. Л. 84–85.

²⁰ См.: Там же. Д. 334. Л. 6.

²¹ См.: Конасов В.Б., Акиньев Г.А., Судаков В.В. На стыке фронта и тыла. Вологда, 1999. С. 37–38.

²² См.: Красный Север. 1943. 15 сент.

²³ См.: Очерки истории Вологодской организации КПСС. 1895–1968. Вологда, 1969. С. 503.

²⁴ См.: Архив Управления Федеральной службы безопасности по Вологодской области. Ф.1/п. Оп. 5. П. 20. Л. 75–75об.

²⁵ См.: Силицын А.М. Всенародная помощь фронту... С. 301, 304.